

*И. Я. Кураш (Витебск)***СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ ИМЕННИК КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ
О ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ**

История религиозных конфессий как особая сфера исследования сформировалась в белорусской науке в последние несколько десятилетий. К важнейшим достижениям современных исследований историко-религиозного направления, безусловно, следует отнести принцип рассмотрения религиозности как явления традиционной народной культуры, и в то же время А. А. Горбачкий отмечает, что «рассматривая традиционную народную культуру, они (историки) показывали ее зависимость только от наиболее крупных религиозных конфессий, оставляя без внимания меньшие по количеству конфессии, в том числе и старообрядчество» [1, с. 9]. В последнее время появилось большое количество научных трудов, тематика которых предполагает исследования на стыке истории религии и истории народной культуры. В круг вопросов подобных работ включены система религиозных и культурных ценностей старообрядцев, особенности обыденного религиозного сознания и тенденции его развития, эсхатологические представления.

На современном этапе практически всеми исследователями отмечаются признаки секуляризации старообрядчества: терпимость к взглядам иноверцев, отсутствие религиозного фанатизма, стихийность процесса религиозного воспитания в семье. В работах, посвященных изучению различных сторон истории и культуры старообрядчества, можно проследить два принципиально противоположных взгляда на будущее старообрядчества как социального и культурного феномена. Они сводятся к признанию активизации или, напротив, угасания религиозного и этнического самосознания приверженцев старой веры, на основании чего делается вывод о жизнеспособности либо о распаде данного типа культуры. Однако не все признаки свидетельствуют об утрате старообрядчеством своей самобытности и культурной ценности, так как отход от архаично-патриархального быта, отказ от некоторых религиозных ограничений может расцениваться как попытка приспособиться к изменяющимся условиям. Ослабление внешних и внутренних проявлений веры, некоторое размывание религиозных представлений в сознании части верующих нельзя однозначно оценивать отрицательно, так как этот процесс «укрепляет позиции религии, сделав возмож-

ность дальнейшего существования веры в новых условиях» [2, с. 106].

Важнейшей особенностью любой традиционной маргинальной культуры, по мнению С. Е. Никитиной, является ее замкнутость, вернее, «тот особый баланс между замкнутостью/закрытостью и открытостью, который помогает ей выжить, оставаясь самой собой» [3, с. 85]. Традиционализм старообрядчества как его доминантная черта подчеркивается всеми исследователями, но степень проявления этого признака различна и зависит от условий, в которых функционирует и развивается конфессиональная культура. В результате миграции старообрядцы оказались расселены по всему миру, и степень их зависимости от внешних культурных, социальных, языковых факторов определяется чужеродностью среды, в которую они попали. В случае резкого отличия окружающей языковой и культурной среды или при проявлениях ее враждебности именно религиозные традиции, включая и традиции наречения, явились тем консервантом, который сохранил духовный облик представителей старообрядчества.

Наблюдая перемены, произошедшие в среде белорусских старообрядцев, можно предположить, что общность христианских культур, близкородственное двуязычие, сходные бытовые традиции послужили предпосылками частичной ассимиляции старообрядцев с окружающим белорусским населением, проявления которой отчетливо наблюдаются и в именнике – наиболее консервативном элементе культуры.

Все явления, возникшие в именной системе старообрядцев в результате взаимодействия с представителями других конфессий, можно рассматривать как интерференцию на уровне отдельных имен и основ. В исследованиях апеллятивной лексики этот вид интерференции назван лексическим, по отношению же к собственным именам – элементам не только лексической системы, но и культуры – представляется возможным определить его как «культурная» интерференция.

В первую очередь следует иметь в виду изменение состава личных имен. В именной репертуар исследуемой общины входят католические церковные имена: Гвидон, Станислав, Чеслав, Ядвига, Янина (неканоническое имя). Эти имена зафиксированы в письменных источниках, имеют хождение в сфере устного бытования.

Отдельную группу составляют имена, имеющие параллели в старообрядческом именнике. На их примере можно отчетливо проследить взаимодействие византийско-греческой и римско-католической традиций. Так, в именнике функционируют имена Домника и Доминика, Кристина и Христина, Ян и Иван, Степанида и Стефанида. Различные варианты этих имен, оформленных в первом случае по латинскому образцу, а во втором – по греческому, имеют равное хождение в общине, что объясняется давним сосуществованием представителей разных конфессий на одной ограниченной территории. Латинизированные формы образуют сокращения: Бенья (Бенедикт), Крестя (Кристина), Янак (Ян), Стенья Степа (Степанида).

Нельзя не обратить внимания на то, что в образовании фамилий участвовали имена, не канонизированные старообрядческой церковью:

Богданов (имя *Богдан* фиксируется в католических и православных календарях), *Бартошкин* (*Бартош* – *Бартоломей* (*Bartłomiej*), латинизированный вариант имени *Варфоломей*; показательно, что в исследуемой общине отсутствует византийская параллель фамилии), *Лукашенок* (возможно, от католического *Лукаш* (*Łukasz*) или от белорусского разговорного варианта имени *Лука*), *Насыров* (татарское личное имя *Насыр*), *Станиславов* (*Станислав* (*Stanisław*) – имя, распространенное у католиков), *Тумашиевич* (*Тумаши* – на основе польского *Tomasz*, соответствует старообрядческому церковному *Фома*), *Шыманов* (старообрядческое церковное *Симон*, католическое *Шимон* (*Szymon*)), *Юрин* (*Юрий* – светская форма имени *Георгий*).

Наличие в именнике старообрядческого населения фамильных онимов, производных от католических личных имен, заимствование которых произошло, скорее всего, еще в период становления фамильной системы старообрядцев, подтверждает гипотезу о влиянии конфессионального окружения, которое проявилось в именнике переселенцев, несмотря на значительную степень замкнутости и консерватизма общин. Кроме этого, подтверждением интерференции служит и существование параллельных фамилий, фонетически оформленных по латинскому (*Степанов*) и по греческому образцу (*Стефанский*). В целом, несмотря на массовый характер использования церковных имен, функционирование фамилий, образованных

на базе неканонических имен (*Богданов, Юрин*), свидетельствует о проницаемости именной системы старообрядцев.

1. *Гарбацкі, А. А.* Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX стст. / А. А. Гарбацкі. – Брэст, 1999.

2. *Короткая, Т. П.* Старообрядчество в Беларуси / Т. П. Короткая; под ред. А. С. Майхровича. – Минск, 1992.

3. *Никитина, С. Е.* Старообрядчество как конфессиональная культура: взгляд этнолингвиста / С. Е. Никитина // История и география русских старообрядческих говоров: сб. статей. – М., 1995. – С. 84–92.